

РАБОЧИЕ КОЛОННЫ НА УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗМЕЩЕНИЕ

Статья посвящена изучению вопроса о создании военизированных трудовых формирований в годы Великой Отечественной войны. С первых дней военного лихолетья была выделена особая социальная группа людей, которая должна была работать до конца войны в составе рабочих колонн. Она была неоднородной как по своему социальному, так и национальному составу. Особый социальный статус определил режим содержания и размещения мобилизованных на трудовой фронт. Свой вклад в победу над врагом они вносили в условиях изоляции и недоверия.

Широкомасштабное использование военизированных трудовых формирований в форме рабочих колонн на Урале требовало решения комплекса проблем, связанных с их организацией, перемещением и размещением.

Формированием рабочих колонн занимались военкоматы и органы внутренних дел. Личному составу присваивался статус военнообязанных. За неявку мобилизованного на призывной или сборный пункт, за самовольный уход с работы или дезертирство устанавливалась уголовная ответственность [1. Л. 6-6 об.]. Де-факто была сформирована особая группа людей, которая должна была работать до конца войны в составе рабочих колонн. Эта группа являлась неоднородной по своему социальному и национальному составу. В нее входили как полноправные граждане советского государства, так и ограниченные в правах. В ней были представители тех наций, государства которых воевали с СССР, и тех, кто воевал против фашистской Германии и ее союзников. Это обусловило различный подход со стороны советского государства к принципам комплектования трудовых формирований. К тем, кто, по мнению руководителей партии и правительства, представлял собой потенциальную «пятую колонну», рекомендовалось применять самые жесткие меры в процессе их мобилизации в рабочие колонны.

Прежде всего это коснулось советских немцев. В феврале 1942 г. местные органы НКВД получили шифрограмму из Москвы, в соответствии с которой они были обязаны оповестить мобилизуемых немцев о том, что те призываются в рабочие колонны и будут направлены на работу. За неявку «трудармейцы» подлежали аресту и отправке в исправительно-трудовые лагеря.

УНКВД были обязаны на сборных пунктах и в пути пресекать все попытки саботажа и антисоветских выступлений. Аналогичный подход наблюдался в ходе мобилизации спецпоселенцев, которую осуществляли коменданты спецпоселков. Укомплектованные на сборных пунктах команды передавались представителям строительных подразделений НКВД, в распоряжение которых они направлялись. Начальником эшелона назначался представитель УНКВД, в помощь которому для поддержания порядка в пути следования выделялась милиция или военизированная охрана. Одновременно организовывалось скрытое наблюдение для пресечения попыток каких-либо эксцессов. Жесткий режим при проведении мобилизации, подавление любого недовольства и контроль – вот основные черты отношения органов власти к советским немцам и спецпоселенцам при отправке их на трудовой фронт.

Иное отношение складывалось к населению Средней Азии и Казахстана в момент его отправки к месту назначения. Здесь упор делался на усиление среди мобилизуемых на трудовой фронт агитационно-пропагандистской работы. ГКО рекомендовал руководителям среднеазиатских республик «...выделить для массово-агитационной работы на призывных пунктах коммунистов и комсомольцев, а также обеспечить в числе призываемых прослойку коммунистов и комсомольцев с тем, чтобы эшелоны насыщались коммунистами и комсомольцами равномерно» [2. Л. 74, 75].

Все «трудмобилизованные» в рабочие колонны должны были явиться на сборные пункты в исправной одежде и обуви, с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и запасом продовольствия не ме-

нее чем на 15 суток [3. Л. 17-18]. В условиях войны требование логичное. Но, как свидетельствуют архивные данные, оно для многих мобилизованных в рабочие колонны было невыполнимо по объективным причинам. Так, советские немцы в большинстве случаев привлекались в рабочие колонны, будучи ранее депортированными. В ходе переселения они лишились практически всего имущества, а на новом месте не успели им обзавестись. Выполнить мобилизационное предписание в полном объеме они были просто не в состоянии.

На место дислокации рабочие колонны доставлялись железнодорожным транспортом, который являлся основным средством перемещения в годы войны. На его долю в 1941-1945 гг. пришлось 80% суммарного грузооборота [4. С. 268]. Подвижной состав был оборудован нарами, а зимой – печами и оконными рамами. В вагоны загружалось по 50 человек. Унитазы в вагоны не ставились. Естественные нужды справлялись на станциях [5. Л. 72, 73].

На весь личный состав рабочих колонн добирался до места назначения. Смерть в дороге в годы войны была нередким явлением. Уральский историк М.Н. Потемкина, исследовавшая вопросы эвакуации населения, приводит целый ряд данных о смерти эвакуированных на железной дороге. В каждом эшелоне были зафиксированы такие случаи [6. С. 35-36]. В эшелонах с «трудармейцами» смертность, как свидетельствуют архивные данные, была значительно выше. В апреле 1942 г., например, начальник эшелона с «трудмобилизованными» сообщил из г. Омска, что на пути следования в результате желудочно-кишечных заболеваний умерло 270 человек; в мае 1942 г. с другого «трудармейского» эшелона было снято 49 трупов и т. д. [7. Л. 138] Антисанитарные условия, нехватка продуктов вызвали большую смертность среди мобилизованных на трудовой фронт. Она была в процессе перемещения выше, чем среди эвакуированных.

Первоочередной задачей для принимающих уральских областей и республик было расселение прибывших «трудмобилизованных». Для местного руководства она упрощалась тем, что место размещения рабочих колонн было заранее определено – исправительно-трудовые лагеря и «зоны» при промыш-

ленных предприятиях и стройках. Забота об их обустройстве лежала на плечах местных органов НКВД и хозяйственных руководителей. Тем самым партийное руководство и властные структуры Урала в действительности оказались освобожденными от обязанностей поиска и предоставления жилья. Это означало, что рабочие колонны в отличие от эвакуированного и местного населения были лишены права участвовать в индивидуальном строительстве, надеяться на получение нового жилья и с помощью государства улучшать условия своего быта.

В исправительно-трудовых лагерях мобилизованные в рабочие колонны размещались в бараках, которые выделялись с помощью ограждений в особую «зону». В пределах лагеря они размещались отдельно от заключенных [8. Л. 28-29]. Внутри лагеря создавался фактически новый лагерь для юридически свободных граждан, мобилизованных на трудовой фронт. Размещать их в одних бараках с заключенными не только не было основания, но и было опасно. Последствия могли быть печальными, неминуемо бы последовал социальный взрыв. Оказавшись в изоляции, «трудмобилизованные» должны были чувствовать, что советская власть не равняет их с уголовными элементами и «врагами народа», а их положение обусловлено необходимостью решать задачи, поставленные войной. С другой стороны, если лагерь создавался на строительной площадке, то оттуда происходило выселение всех гражданских лиц, не имевших отношения к «трудармейцам». Это требование неукоснительно выполнялось. Показательна в этом отношении служебная записка руководства «Бакалстрой» («Челябметаллургстрой») председателю Челябинского областного совета депутатов трудящихся Белобородову: «В интересах обеспечения государственной безопасности и изоляции работающих на строительстве Бакальского металлургического комбината НКВД СССР мобилизованных немцев... вся строительная площадка взята в зону круглосуточного оцепления... Это мероприятие обеспечивает прекращение допуска на строительную площадку посторонних лиц и возможной нежелательной связи спецконтингента» [9. Л. 25-27].

Аналогичный подход соблюдался в случае размещения «трудмобилизованных» в рабочие колонны вне территории ИТЛ – на промышленных объектах и строительстве. При каждом предприятии, строительном объекте создавались специальные «зоны», которые должны были иметь ограждение в виде забора, штакета или изгороди из колючей проволоки. Проживание вольнонаемного состава здесь запрещалось [10. Л. 275].

Изоляция «трудмобилизованных» от заключенных, с одной стороны, и от остального населения – с другой, являлась отражением официальной политики советского государства по отношению к ним. Была образована особая группа, которая занимала промежуточное положение между осужденными и юридически свободными гражданами СССР. Жить она должна была как первые, работать – как вторые.

Размещение «тудармейцев» определяло условия их содержания. Режим «тудармейцев» в рабочих колоннах, дислоцированных на строительстве НКВД и в ИТЛ, был более жестким, чем в рабочих колоннах, размещенных в особых «зонах». Общие нормативы содержания этой категории «тудармейцев» были определены «Положением о порядке содержания, структуре, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев» от 21 сентября 1942 г., в соответствии с которым внутренний порядок в бараках устанавливался согласно расписанию, утверждавшемуся начальником отряда или лагеря. В каждый барак назначались лица, ответственные за поддержание порядка и чистоты в бараке. Уборка бараков, отопление и все другие работы выполнялись непосредственно живущими в этих бараках, преимущественно из состава освобожденных от тяжелого физического труда. Выход из зоны с момента утренней и до вечерней поверки разрешался по пропускам или в строю. Утром после подъема и вечером перед сном проводилась проверка наличия людей по спискам. В случае отсутствия кого-либо из личного состава колонны немедленно объявлялся розыск и производилось расследование. На работу шли строем под командой начальника колонны или другого командира [11. Л. 26, 27].

В отряде, колонне, бригаде устанавливался строгий воинский порядок. За нарушение дисциплины, невыполнение производственных норм спецконтингент мог быть подвергнут дисциплинарным взысканиям: личный выговор и предупреждение, выговор перед строем, денежный штраф, назначение на самые тяжелые работы, арест в дисциплинарном порядке до 10 суток, строгий арест и предание суду.

Для лиц, подвергнутых наказанию, в лагерях создавались штрафные колонны. В них переводились те, кто систематически нарушал внутренний распорядок (до 6 месяцев), не исполнял распоряжения и поручения руководства (до 3 месяцев), не выполнял производственные нормы и приводил в негодность инструмент и другое имущество (до 1 месяца). Содержавшиеся в штрафной колонне на работу выводились под конвоем, им запрещалось общение с другими «тудармейцами». В свободное от работы время «штрафники» должны были находиться в помещении, выход из которого разрешался только по естественным надобностям с дозволения дневального. Свидания с родственниками и получение посылок запрещалось. При штрафной колонне был организован карцер с одиночными камерами, куда помещались злостные нарушители дисциплины и режима сроком до 10 суток. Попавшие в карцер лишались права пользования табаком, бумагой и спичками, прогулок. Горячая пища выдавалась один раз в два дня. Спать штрафник должен был на голых нарах.

К злостным нарушителям применялась высшая мера наказания – расстрел. Что же это были за нарушения? Архивные данные свидетельствуют о том, что это были дезертирство и отказ от выхода на работу [12. Л. 84]. Все нарушения фиксировались в личных делах «тудармейцев», которые заводились в момент поступления их в лагерь, где были фотографии, дактилоскопические карточки и спецанкеты, включающие сведения о семье и ее местонахождении.

Режим размещения в ИТЛ и на строительстве НКВД практически полностью соответствовал задаче создания особых условий труда и быта для «тудармейцев». Иначе дело обстояло с теми, кто оказался размещенным в

«зонах» при промышленных предприятиях и стройках. Здесь реализовать в полной мере намеченное не удалось до конца войны: почти полностью отсутствовал учет «трудоармейцев», ограждение «зон» не проводилось, вход и выход в них был свободный, часть мобилизованных расселялась в частном секторе вне «зоны». На работу они выводились не компактно, а мелкими группами. Существовала практика направления мобилизованных в организации, не имевшие отношения к тем объектам, где они должны были работать. «Трудоармейцев» направляли в колхозы, где они находились без охраны и наблюдения. Без согласования с НКВД рабочие колонны перебрасывались с одного предприятия на другое, в т. ч. передавались предприятиям других наркоматов. Были зафиксированы случаи использования «трудоармейцев» работниками предприятий для личных нужд – на строительстве собственных домов, личных огородов, а женщин нередко в качестве домашних работниц. Подобные нарушения, как свидетельствуют документы, были не единичными. На Урале они носили широкомасштабный характер. Возникла ситуация, когда в условиях военного времени строгость советских законов и подзаконных актов компенсировалась невозможностью их полного исполнения. Причины были различны. С одной стороны – огромный поток «трудооблизованных» и неготовность и неспособность руководителей обустроить его; с другой – особенности производственной деятельности вошли в противоречие с организационной структурой рабочих колонн; с третьей – не всегда администрация видела необходимость их обособления от остальной части населения.

Режим содержания «трудоармейцев» предполагал наличие вооруженной охраны. Это требование было закреплено во всех нормативных документах по их содержанию как в исправительно-трудовых лагерях, так и в «зонах», приближенных к строительству и производству [13. Л. 21-29]. Однако реализовывалось оно на практике по-разному. В ИТЛ и на строительных площадках НКВД зоны расселения «трудооблизованных» (стройотряды, колонны) охранялись военизированной охраной. При перебросках «трудоармейцев» за пределы возводимого объек-

та, в другой лагерь, а также при командировках вне основных пунктов расселения выделялись для сопровождения стрелки ВОХРа и работники НКВД. В целях предотвращения побегов во время передвижения на маршруте выставлялись скрытые посты. На месте работы выставлялось оцепление из служащих НКВД. На территории производственных площадок организовывались дежурства стрелков, на которых возлагались обязанности периодической проверки (не реже одного раза в час) численности работающих. С целью усиления охраны предпринимались дополнительные меры. В ноябре 1942 г. НКВД СССР обязал руководство «Челябметаллургстроя» установить дополнительные блок-посты с использованием сторожевых собак, организовать помощь военизированной охране со стороны проверенного вольнонаемного состава, усилить работу с группами содействия из местного населения и т. д. В целях предупреждения дезертирства с места работы в январе 1943 г. была введена должность инспектора по режиму на производстве, основной задачей которого являлось наблюдение за мобилизованными на производстве и принятие мер для повышения производительности их труда.

Противоположная ситуация складывалась с организацией охраны «трудоармейцев» в «зонах». В отчетных справках УНКВД Урала ситуация характеризуется следующим образом: «...Охрана службы не знает... охрана несет службу плохо... охраны нет». Архивные данные позволяют говорить о том, что порой она комплектовалась из женщин, которые устанавливали с мобилизованными дружеские, а иногда и более близкие отношения. В целом, как отмечали проверяющие, личный состав охраны не был укомплектован, устава, порядка конвоирования и правил применения оружия не знал [14. Л. 69-71]. Ситуацию можно было спрогнозировать. При передаче рабочих колонн в подчинение гражданских наркоматов не было предусмотрено штатное расписание для военизированной охраны «трудоармейцев». Производственные и строительные объекты, где создавались «зоны», не входили в сферу деятельности НКВД. Наркоматы рекомендовали хозяйственным руководителям заключить

договоры с местными силовыми структурами. НКВД, в свою очередь, рекомендовал ввести в «зонах» самоохрану – подвижные дозоры из числа мобилизованных без оружия (члены партии и комсомольцы), устанавливая персональную ответственность руководителей предприятий истроек за дезертирство и организовать охрану за счет внутренних ресурсов. Все это привело к тому, что охрана спецконтингента в «зонах» практически отсутствовала. Не имея возможности решить проблему своими силами, руководители наркоматов неоднократно обращались к руководству НКВД СССР с просьбой о помощи в решении проблемы. Характерным в этом отношении является одно из обращений руководителя наркомата нефтяной промышленности П. Седина в НКВД, которое было выявлено в процессе работы над темой: «...Государственная штатная комиссия при СНК СССР отклонила ходатайство Наркомнефти об утверждении штатов охраны для

предприятий нефтяной промышленности, имеющих отряды мобилизованных немцев. По этой причине фактически охрана спецконтингентов отсутствует. Прошу Вашего вмешательства в этот вопрос и поддержки ходатайства Наркомнефти об организации охраны спецконтингента на его предприятиях и стройках». Для решения вопроса потребовалось вмешательство ГКО, узаконившего создание военизированной охраны за счет выделения дополнительных средств предприятиям и стройкам, где были созданы «зоны» [15. Л. 20].

Работа в тылу в годы войны стала для советских людей и подвигом, и трагедией. Часть из них была выдвинута ковать победу над врагом в условиях недоверия и изоляции. Они были объединены в рабочие колонны и составили социальную группу, имевшую особый статус, особый режим содержания, особые формы размещения. Себя они называли «трудармейцами».

Список использованной литературы:

1. ГАРФ, Ф.9414, Оп.1с, Д.1169, Л.6-6об.
2. РГАСПИ, Ф.644, Оп.2, Д.102, Л.74, 75.
3. РГАСПИ, Ф.644, Оп.2, Д.2, Л.17-18.
4. Великая Отечественная война: Энциклопедия. М., 1985. С. 268.
5. РГАСПИ, Ф.644, Оп.2, Д.102, Л.72,73
6. Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урал: Люди и судьбы. Магнитогорск, 2002.
7. ГАРФ, Ф.9479, Оп.1с, Д.154, Л.138.
8. ОГАЧО, Ф.Р-1619, Оп.2, Д.4, Л.28-29.
9. ГАРФ, Ф.9414, Оп.1с, Д.1157, Л.25-27.
10. ГАРФ, Ф. 9479, Оп. 1с; Д. 145, Л. 275.
11. ГАРФ, Ф.9414, Оп.1с, Д.1157, Л.26,27.
12. ОГАЧО, Ф.288, Оп.6, Д.242, Л.84.
13. ОГАЧО, Ф.9414, Оп.1с, Д.1157, Л.21-29.
14. ГАРФ, Ф.9401с, Оп.1а, Д.111, Л. 6971.
15. ГАРФ, Ф.9414, Оп.1с, Д.2513, Л.20.